

A man and a woman in 18th-century attire. The man is standing, wearing a dark brown coat with gold buttons and a white ruffled cravat. The woman is sitting, wearing a white dress with gold embroidery and puffed sleeves. They are in front of a large, ornate castle with many windows, some of which are lit. The scene is set at night or dusk, with a soft glow from the castle lights.

НАДЕЖДА
СОКОЛОВА

МУЖ, ЗАМОК, БЫТ, МАГИЯ
ДЛЯ МИЛЕДИ
АНАСТАСИИ

Надежда Соколова

**Муж, замок, быт, магия
для миледи Анастасии**

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Муж, замок, быт, магия для миледи Анастасии /

Н. И. Соколова — «Автор», 2026

Мне 35, я - модельер с Земли. В магический мир попала по воле моей матери, сильной колдуньи. Она уверена, что мне пора выйти замуж и родить ей внуков. Что ж, дорогие женишки, становитесь в очередь, буду выбирать себе мужа.

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Надежда Соколова

Муж, замок, быт, магия для миледи Анастасии

Глава 1

Следующие несколько дней пролетели в том ритме, который я уже называла «рабочим марафоном», но с той разницей, что теперь я чувствовала себя не загнанной лошадью, а уверенным капитаном, который знает курс и не боится штормов. С утра до обеда я разбирала старые заказы — проверяла, что готово, что требует доработки, и кому из клиенток уже пора отправлять вестники с напоминанием о примерках. Платье для Долорес почти доделали эльфийки, я лишь подправила драпировку на плечах, а костюм Ричарда висел на манекене в примерочной, ожидая последней примерки, которую я всё откладывала из-за родительского визита. Я стояла перед ним, поправляла лацканы и думала, что в этом тёмно-синем бархате Ричард будет выглядеть именно так, как я представляла: строго, но с той лёгкой театральностью, которая подходит драконьей аристократии.

Параллельно я готовилась к новым заказам, которые оставили гномки на осеннем празднике. Я перечитывала их записи, разложила по кучкам образцы тканей, которые подходили к их пожеланиям, и даже сделала несколько быстрых набросков для шерстяных платьев, которые могли бы согреть женщин в подземельях. В свободные минуты я перебирала старые аксессуары, примеряла шляпки, разглядывала пуговицы и застёжки, раскладывая их по коробкам с мыслью «это для эльфов, это для драконов, а это — для особых случаев». Некоторые вещи я находила впервые, хотя, казалось, пересмотрела всё: маленькую диадему с голубым камнем, которая подошла бы к платью Долорес, и пару серебряных запонок, которые я решила подарить Ричарду, если он приедет на примерку с хорошим настроением.

Я даже нашла время, чтобы посидеть с эльфийками и обсудить, как мы будем использовать магические рулоны, которые бабушка оставила мне. Один из них, с переливающимся узором, я решила пустить на новую коллекцию к весне — он был лёгким и одновременно тёплым, и я знала, что он понравится и вампирам, и эльфийкам, которые ищут что-то необычное. Таризель уже набросала эскиз платья с асимметричным подолом, а Лартаниэль предложила добавить вышивку по краю в виде падающих звёзд. Я одобрила, и мы начали работать над образцом, хотя я знала, что до весны ещё несколько месяцев.

Но при всём этом ритме, среди шума машинки и голосов помощниц, я нет-нет да и возвращалась мыслями к Ричарду. Это происходило не навязчиво, не как одержимость, а скорее как лёгкий фон, который появлялся, когда я на мгновение отвлекалась от работы. Когда я поправляла его костюм на манекене, я представляла, как он будет стоять в нём на пороге замка, или как его глаза посмотрят на меня, когда он приедет на примерку. Когда я выбирала серебряные запонки для него, я думала о том, что они могли бы ему понравиться, потому что он любит детали, и что, возможно, когда-нибудь он приедет не только за заказом, но и просто так, как друг, или как кто-то больше. Лиска, конечно, заметила мою задумчивость, и как-то за обедом, подавая мне чай, сказала с кривой улыбкой:

— Настька, ты, я смотрю, всё о том драконе думаешь. Я уже видела, как ты перебираешь его запонки и улыбаешься им. Мне начинать готовить приданое?

Я фыркнула и ответила, что приданое я сошью сама, когда припечёт, и что она лучше следила бы за тем, чтобы в мастерской не кончились булавки, а не за моими вздохами. Но Лиска только хмыкнула и ушла, а я осталась сидеть с кружкой чая, глядя на снег за окном, и думать,

что, наверное, она была не так уж и не права. Просто я ещё не была готова признать, что эти мысли о нём стали частью моего дня, как нитки и иглы, — и я не знала, хорошо это или плохо.

Я вздохнула, допила чай и вернулась к работе, потому что заказы, как и мысли, требовали внимания, и я была готова дать им и то, и другое — в меру, но не забывая о том, что где-то там, в столице, есть дракон, который, возможно, тоже вспоминает меня, когда снег падает за его окном.

Глава 2

Через несколько дней, когда я уже почти смирилась с тем, что Ричард, возможно, не приедет до весны, в холле замка снова раздался знакомый хрустальный звон, и порталный вихрь выплюнул на мраморный пол двух драконов — герцога и его сестру. На этот раз они появились без предупреждения, и я, стоявшая в рабочей комнате с булавкой в зубах и рулеткой на шее, услышала, как Долорес звонко восклицает:

— Анастасия! Мы приехали! И у нас есть целый час, потому что братец решил, что примерка не может ждать до весны, особенно после того, как он дважды танцевал с вами на балу и теперь не может думать ни о чём другом!

Я выронила булавку, быстро поправила волосы и вышла в холл, где Ричард уже снимал плащ с видом человека, который привык, что его ждут, но при этом старается не выглядеть слишком самодовольным. Он был в тёмно-сером камзоле, который подчёркивал ширину его плеч, и с той же лёгкой улыбкой, которую я помнила по балу. Долорес, в отличие от брата, не скрывала своего восторга и сразу же принялась рассматривать ёлку, которая всё ещё стояла в холле, хотя уже немного осыпалась.

— Вы ещё не убрали её? — спросила она с удивлением. — Найра Анастасия, она же уже почти лысая. Или вы держите её специально, чтобы напоминать брату о том, как он хорошо танцевал?

— Я держу её, потому что она мне нравится, — ответила я, улыбаясь. — И потому что убирать ёлку — это грустно. А грустить я не люблю.

Ричард подошёл ко мне, поклонился чуть глубже, чем требовал этикет, и сказал:

— Найра Анастасия, прошу простить за неожиданный визит. Но моя сестра заявила, что если я не приеду на примерку в ближайшие дни, она сама сошьёт мне костюм из штормов. А я, знаете ли, не готов к такому эксперименту.

— Он просто боялся, что вы подумаете, будто он не хочет приезжать, — добавила Долорес, проходя мимо нас в зал для показов. — Он все эти дни ходил по столице и вздыхал. Я даже думала, что он заболел, но доктор сказал, что это не болезнь, а «нечто иное». Я, конечно, сразу поняла, что это.

— Долорес, — предупреждающе сказал Ричард, но в его голосе не было злости, только лёгкое смущение, которое я находила очаровательным.

Мы прошли в зал для показов, где я начала с костюма Ричарда. Он висел на манекене — тёмно-синий бархат, серебряные пуговицы, строгий крой, но с той самой лёгкой драпировкой на плечах, которую я добавила, чтобы подчеркнуть фигуру Ричарда. Он подошёл к манекену, обошёл его кругом, потрогал ткань и сказал:

— Это... выглядит даже лучше, чем я представлял. Вы уверены, что это для меня? Не для какого-нибудь столичного щёголя?

— Уверена, — ответила я, снимая костюм с манекена. — Примерьте, и я посмотрю, что нужно подправить. Только, пожалуйста, не делайте резких движений, потому что булавки ещё внутри, и если вы случайно заденете одну, я не хочу, чтобы вы ушли отсюда с дыркой в боку.

Он скрылся за ширмой, а Долорес, которая уже уселась в кресло и разглядывала мои образцы тканей, сказала мне тихо, но с явным удовольствием:

— Знаете, Анастасия, он никогда не ездит на примерки сам. Обычно я заказываю ему костюмы, и он даже не смотрит, что там шьют. А тут — сам попросил, сам собрался, сам портал открыл. Я думаю, это не костюм его интересует.

— Долорес, — раздался из-за ширмы голос Ричарда, — если ты не прекратишь, я расскажу найре Анастасии, как ты в детстве пыталась превратиться в дракона и застряла в камине.

— Это было один раз! — возмутилась Долорес, но всё же замолчала, и я, стараясь не смеяться, приготовила булавки и мел для разметки.

Когда Ричард вышел из-за ширмы, я на мгновение замерла. Костюм сидел на нём так, как я и рассчитывала, — строго, но с той самой линией, которая подчёркивала его широкие плечи и длинный стан. Он посмотрел на себя в магическое зеркало, и я увидела, как его брови чуть приподнялись.

— Это действительно хорошо, — сказал он, поворачиваясь перед зеркалом. — Я думал, что бархат будет выглядеть слишком тяжело, но здесь он сидит как вторая кожа. Вы уверены, что не используете магию?

— Только немного, — ответила я, подходя к нему с булавками. — Вот здесь, на плече, нужно чуть-чуть подобрать, потому что левая сторона немного провисает. И рукав — я сделаю его чуть уже, чтобы он не мешал вам жестикулировать, когда вы будете рассказывать столичные сплетни.

— Я не рассказываю сплетни, — сказал Ричард, но в его глазах была улыбка. — Я делюсь информацией. Это разные вещи.

Я принялась за работу, закалывая булавки и делая пометки мелом, а он стоял терпеливо, лишь иногда поворачиваясь, когда я просила. Долорес тем временем не теряла времени даром и уже успела обсудить с Тариэль, которая заглянула в зал, эскизы для своего платья на весну, и я слышала, как она говорит:

— Я хочу что-то воздушное, но чтобы не смотрелось как ночная рубашка. И обязательно с открытой спиной, ведь я не зря столько лет тренировала осанку.

Когда я закончила с костюмом, Ричард снова подошёл к зеркалу и долго смотрел на себя — не с самодовольством, а скорее с удивлением, как будто не ожидал, что я смогу так точно уловить его образ.

— Знаете, — сказал он, поворачиваясь ко мне, — я хотел бы заказать у вас ещё один костюм. Для весеннего бала в столице. Что-то более лёгкое, но такого же качества. И, если возможно, я хотел бы приехать на примерку сам. Без сестры.

Долорес, услышав это, фыркнула, но не стала комментировать, только закатила глаза и продолжила листать эскизы. Я посмотрела на Ричарда, на его серые глаза, в которых было что-то тёплое, и ответила:

— Я согласна. Но предупреждаю: у меня строгие правила. Если вы придёте без предупреждения, я могу заставить вас держать булавки или гладить швы. Это не наказание, это помощь.

— Я готов, — сказал он, и улыбнулся — на этот раз широко, без тени аристократической сдержанности. — Я даже готов держать булавки. Если это поможет мне провести с вами больше времени.

Долорес поднялась с кресла и подошла к нам, оглядывая брата с ног до головы.

— Ну что, костюм готов? Или ты собираешься стоять здесь до вечера, чтобы найти предлог остаться?

— Костюм почти готов, — ответила я, отступая на шаг. — Мне нужно закончить подгонку, и через три дня я отправлю его вам с вестником. Или вы можете приехать снова.

— Мы приедем, — сказала Долорес, беря брата под руку. — И я тоже хочу примерить своё платье, потому что, судя по эскизам, оно будет шедевром. А ты, братец, не забудь, что у нас ещё дела в столице.

Ричард кивнул, но, прежде чем уйти, он подошёл ко мне и сказал тихо, так, чтобы сестра не слышала:

— Спасибо, найра Анастасия. Не только за костюм. За то, что вы не стали делать вид, что не заметили меня на балу. Я это ценю.

Я улыбнулась в ответ и почувствовала, что мои щёки чуть порозовели, но я не отвела взгляд.

— Приезжайте через три дня, — сказала я. — И приносите с собой что-нибудь кроме заказов. Например, столичные сплетни. Я, знаете ли, любопытная.

Он усмехнулся, кивнул и шагнул в портал вслед за Долорес, которая уже махала мне рукой на прощание. Когда вихрь схлопнулся, я осталась стоять в зале с булавками в руках и улыбкой, которую не могла сдержать. Лиска, которая всё это время наблюдала из-за двери, вошла и сказала с видом победительницы:

— Настька, я начинаю верить, что этот дракон — не просто клиент. Он смотрел на тебя так, будто ты уже сшила ему не костюм, а судьбу.

— Лиска, — ответила я, убирая булавки в коробку, — если ты не перестанешь говорить загадками, я заставлю тебя гладить его костюм сама. А пока — принеси мне чаю. У меня ещё платье для Долорес не доделано, а я уже думаю о весеннем бале, на который, кажется, меня пригласили не только как мастерицу.

Глава 3

Ёлку мы убрали в один из тех дней, когда за окном было особенно серо и промозгло — зима окончательно вступила в свои права, и даже магические светильники в зале не могли разогнать тусклую хмарь за окнами. Я стояла в холле и смотрела, как Лиска и эльфийки аккуратно снимают игрушки с веток — мамыны шары, стеклянный домик, деда Мороза — и укладывают их в коробку, которую я потом отправлю родителям обратно, чтобы они не потерялись в моём мире. Сама ёлка, осыпавшаяся, но всё ещё пахнувшая хвоей, была вынесена во двор и поставлена у стены, где она должна была дожидаться весны, чтобы превратиться в дрова. Лиска, стряхивая с фартука последние иголки, проворчала:

— Ну вот, Настька, проводили праздник. Теперь у нас в холле пусто, как в голове у того эльфа, который вчера пытался торговаться со мной за шляпку. Ты бы хоть что-то на место ёлки поставила, а то смотреть тошно.

— Лиска, — ответила я, — у нас в холле пусто ровно до тех пор, пока не придёт первая клиентка. А судя по тому, что я слышала от вестников, они уже в пути. Так что наслаждайся тишиной, пока можешь.

И как будто боги или сам замок услышали мои слова — не успела Лиска уйти на кухню, как в холле раздался хрустальный звон портала, и на пороге появилась первая гостья, которую я никак не ожидала увидеть в этот серый день. Это была эльфийка из столицы, дальняя родственница той самой Лилианы, которая заказывала платье для совета клана. Она представилась как найра Элириэль, высокая, тонкая, с волосами цвета пшеницы и глазами, которые сразу же устремились к полкам с аксессуарами, которые я вынесла в зал для показов ещё перед праздником. На ней было простое, но идеально скроенное дорожное платье из тёмно-зелёного сукна, а на плечах — меховая накидка, которая, судя по покрою, стоила больше, чем весь мой месячный запас ниток.

— Найра Анастасия, — сказала она, не тратя времени на долгие приветствия и даже не снимая накидку, — я слышала от кузины, что у вас есть шляпки и пояса, которые не делают больше нигде в Растусе. Я приехала, чтобы посмотреть и, если понравится, купить. У меня через месяц приём, и мне нужно что-то, чего нет у других. Мои портные в столице предлагают только рюши и банты, а я хочу что-то, что заставит моих подруг замолчать хотя бы на один вечер.

Я улыбнулась и повела её к полкам, где стояли бабушкины шляпки, лежали пояса, застёжки, диадемы и даже несколько пар обуви, которую Марта и Клара успели привести в порядок. Элириэль провела там почти час, примеряя шляпки перед магическим зеркалом и поворачиваясь так и эдак, будто она не в замке, а на подиуме в столичном салоне.

— Вот эта, — сказала она, надевая фетровую шляпку с длинным пером, — это что-то невероятное. Откуда вы берёте такие вещи? Мои портные говорят, что фетр сейчас не в моде, а я всегда знала, что они ошибаются. Сколько вы за неё хотите?

— Двадцать золотых, — ответила я, зная, что для столичной эльфийки это не цена, а мелочь.

— Беру, — сказала она, не торгуясь, и тут же надела её обратно, поправляя перед зеркалом. — А этот пояс, с гравировкой, он подойдёт к моему платью для приёма? Оно у меня серебристое, с высоким воротом.

Я посмотрела на пояс, потом на неё, прикидывая сочетание, и кивнула:

— Подойдёт, если вы наденете его поверх платья, а не под ним. Гравировка будет перекликаться с воротом, если вы добавите к нему брошь — вот эту, с сапфиром. Она не слишком яркая, но добавит глубины.

Элириэль посмотрела на брошь, потом на меня, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Вы не просто мастерица, вы стилист. В столице таких почти нет. Я возьму и брошь. И ещё — у вас есть что-то для волос? Мне нужны шпильки или гребень, чтобы причёска держалась весь вечер.

Я достала из бабушкиной коллекции гребень с жемчужной инкрустацией, и Элириэль, увидев его, ахнула так громко, что Лиска выглянула из кухни.

— Это же работа старых мастеров! — воскликнула она. — Я такие видела только в музее в столице, и то под стеклом. Вы уверены, что хотите продать?

— Уверена, — сказала я. — Вещи должны жить, а не пылиться на полках. Если вы будете их носить, они будут счастливы.

Элириэль ушла, оставив мне тридцать золотых и обещание рассказать о моём ателье всем столичным подругам. И, как оказалось, она сдержала слово. В течение следующих трёх дней в замок через портал прибывали всё новые клиентки — сначала подруги Элириэль, потом их родственницы, а потом и те, кто просто услышал о «мастерице из замка, у которой есть вещи из другого мира».

Вторая гостья, вампирша по имени найра Кассандра, была высокой, с кожей цвета слоновой кости и волосами, уложенными в сложную причёску с серебряными шпильками. Она вошла в зал, оглядела полки и сказала с порога:

— Мне нужно всё, что у вас есть чёрного и красного. Я иду на бал в честь помолвки кузины, и я хочу выглядеть так, чтобы её жених пожалел о своём выборе. У вас есть что-то, что может это сделать?

Я показала ей пояс из чёрной кожи с красными камнями и диадему с рубинами, и она, примерив их перед зеркалом, улыбнулась впервые за всё время визита — улыбкой, от которой у меня по спине пробежал холодок.

— Это именно то, что нужно, — сказала она. — Моя кузина выходит замуж за скучного эльфа, который не понимает, что женщина должна быть опасной. Я куплю и то, и другое. И ещё — у вас есть перчатки? Длинные, выше локтя, из чёрного шёлка?

Перчаток у меня не было, но я пообещала сшить их к следующей неделе, и Кассандра, оставив задаток, удалилась, оставив после себя запах ладана и лёгкое ощущение, что я только что продала не аксессуары, а оружие.

Третья клиентка, гномка из знатного рода по имени найра Гримхильда, приехала с целой свитой из двух служанок и потребовала показать ей «всё, что есть, и не отвлекаться на пустяки». Она была невысокой, но широкой в кости, с бородой, заплетённой в две косы, и с таким голосом, что эльфийки в мастерской притихли, когда она вошла.

— Мне нужны пояса, — сказала она. — Много поясов. У меня трое сыновей, и все они женятся в этом году. Я хочу, чтобы их жёны знали, что свекровь у них — не какая-то там деревенская знахарка, а женщина со вкусом. И ещё — у вас есть что-то для бороды? Заколки, кольца, что угодно. Моя борода — это моя гордость, и я хочу её украсить.

Я показала ей всё, что у меня было, и Гримхильда выбрала три пояса, две заколки для бороды и даже одну диадему, которую она, по её словам, собиралась носить «для устрашения соседей». Она заплатила щедро, без торга, и, уходя, сказала:

— Вы, найра, знаете, что делаете. Если бы вы жили в наших горах, я бы сделала вас придворной мастерицей. Но вы, я вижу, и здесь неплохо устроились. Приезжайте как-нибудь в гости — я вас познакомлю с моими сыновьями. Они у меня все холостые, и, между нами, им нужна жена с характером.

Я поблагодарила её и сказала, что подумаю, но когда она ушла, Лиска, которая слышала этот разговор из-за двери, фыркнула:

— Настька, если ты выйдешь замуж за гнома, я уйду в отшельницы. Ты представляешь, как ты будешь жить в подземелье и шить платья при свете факелов?

— Лиска, — ответила я, — я не собираюсь замуж за гнома. Но если он пришлёт мне хороший заказ на платья для всей семьи, я не откажусь. Это называется бизнес, а не личная жизнь.

К концу недели я продала почти всё, что бабушка оставила мне в потайной комнате: шляпки, пояса, диадемы, заколки, сумочки, даже пару туфель на высоком каблуке, которые, как выяснилось, идеально подходили вампиршам, любившим элегантную обувь. Каждая покупка сопровождалась примеркой перед магическим зеркалом, и я видела, как женщины — эльфийки, вампириши, даже одна гномка из знатного рода — улыбались своему отражению так, будто получили не аксессуар, а частичку счастья. Лиска, которая вела учёт, к концу третьего дня посмотрела на списки и сказала:

— Настька, мы распродали почти всё, что можно было продать. Осталось несколько шляпок и пара поясов, которые ты отложила для себя. Ты хоть понимаешь, что мы теперь можем не беспокоиться о зиме и даже о весне?

Я понимала, но одновременно чувствовала, что это только начало. Аксессуары привлекли новых клиенток, и почти каждая, уходя, оставляла заказ на платье — кто-то на весну, кто-то на лето, кто-то на ближайший бал. Столичные аристократки хотели не просто шляпку, они хотели целый образ: платье, к нему пояс, к поясу застёжку, к застёжке шляпку. Я записывала их мерки, эскизы, пожелания, и к концу недели у меня в блокноте было больше десяти новых заказов на платья — от лёгких летних сарафанов с магическими тканями до тяжёлых бархатных нарядов для зимних приёмов в столице. Долорес, которая приехала за своим платьем и застала этот ажиотаж, пошутила:

— Анастасия, вы теперь самая модная мастерица в Растусе. Ещё немного, и вам придётся открыть филиал в столице, иначе все эти дамы будут ездить к вам порталами и разорят свои семьи на перемещениях. Я, кстати, тоже хочу заказать у вас летнее платье — что-то лёгкое, но чтобы можно было надеть на приём к королеве. Вы сможете?

— Для вас, Долорес, — ответила я, — я сошью даже платье из облаков, если вы достанете мне облако. Но пока давайте начнём с шёлка. Я знаю один рулон, который вам точно понравится.

Она осталась на чай, и мы просидели до вечера, обсуждая фасоны и ткани, а Лиска тем временем подсчитывала доходы и строила планы на будущее, которые, судя по её лицу, обещали быть грандиозными.

Глава 4

Экстренные заказы мы закончили как раз вовремя — в тот самый день, когда последняя клиентка, вампирша Кассандра, забрала свои перчатки и пояс с рубинами, а Долорес увезла в столицу своё платье, которое она, по её словам, собиралась надеть на приём к королеве. Мы стояли в холле, провожая их, и я чувствовала, как с каждым ушедшим гостем с моих плеч падает по камню — тяжёлому, холодному, но всё же камню, который я таскала на себе неделями. Когда порталный вихрь схлопнулся за последней клиенткой, я прислонилась к стене и выдохнула так глубоко, что Лиска, проходившая мимо с пустым подносом, остановилась и посмотрела на меня с подозрением.

— Настька, ты чего? — спросила она. — Ты выглядишь так, будто только что сдала экзамен на звание главной швеи Растуса. Всё, закончились заказы? Можно вздохнуть?

— Закончились, — ответила я, отлепляясь от стены. — Все, что были срочные, ушли. Остались только те, что к весне и лету. Мы можем немного перевести дух.

Но перевести дух нам не дали — природа как будто только и ждала, пока последняя клиентка покинет замок, обрушила на нас такой снегопад, какого я не видела даже на Земле. Снег повалил густой, крупный, тяжёлый, и за какие-то пару часов занёс все дорожки, все подходы к замку, все окна на первом этаже — мы с трудом разгребли входную дверь, чтобы выпустить последнюю карету, и когда она скрылась за воротами, я поняла, что теперь мы отрезаны от мира, возможно, на несколько недель. Вслед за снегом ударили морозы — такие, что даже магические светильники в зале начали мерцать, а Лиска, которая всегда ходила без шапки, впервые за всё время натянула на голову шерстяной платок и заявила, что «если кто-то ещё скажет, что зима — это красиво, я лично заставлю его таскать дрова из сарая».

И с этого дня в замке наступила тишина, которой я не слышала с самого начала своего пребывания здесь. Никто не приезжал — порталы открывались только для вестников, но даже они, казалось, стучались в наши окна и сразу улетали, потому что холод был таким, что магия в них замерзала на полпути. Дороги замело так, что даже гномы, которые обычно ходили под землёй, не рисковали выбираться на поверхность. Мы оказались в коконе из снега и камня, и я, честно говоря, сначала запаниковала — потому что если клиенты не приходят, то и деньги не приходят, а зима длинная, и дрова, которые мы закупили, не бесконечны. Но потом я посмотрела на своих помощниц — на Грету, которая спокойно сшивала кожу, на Лартаниэль и Тариэль, которые перебирали нитки, на Марту и Клару, которые чинили обувь, на девочек, которые плели браслеты у камина, — и поняла, что тишина — это не конец, а возможность сделать то, на что у нас никогда не хватало времени.

— Так, — сказала я, собрав всех в рабочей комнате, где было теплее всего, — раз уж к нам никто не приезжает, мы будем работать на будущее. У нас есть ткани, которые бабушка оставила, есть нитки, есть иглы, и есть время. Давайте сделаем коллекцию к весне, которая заставит всех этих столичных дам ахнуть. Не отдельные заказы, а целую линию — платья, аксессуары, обувь. Чтобы, когда снег растает, мы могли выставить всё это в зале и просто ждать, пока клиентки прибегут сами.

Грета одобрительно рыкнула, эльфийки переглянулись и кивнули, а Марта и Клара, которые ещё не до конца привыкли к нашему ритму, посмотрели на меня с таким удивлением, будто я предложила им вышить звёздное небо на платье.

— Мы будем шить просто так? — спросила Клара, чуть застенчиво. — Без заказчика?

— Без заказчика, — подтвердила я. — Мы будем шить для себя. Для души. А потом, когда всё будет готово, мы устроим показ, и я обещаю, что каждая вещь найдёт свою хозяйку. А пока — предлагайте, фантазируйте. У нас есть целая зима впереди.

И мы начали. Грета взялась за кожу — она решила сделать коллекцию поясов и сумок с тиснёными узорами, которые напоминали бы о лете, с листьями, цветами и даже бабочками. Лартаниэль и Тариэль занялись шёлком — они придумывали платья с драпировками, которые, по их словам, должны были «дышать, как весенний ветер». Марта и Клара, которые раньше работали только с обувью, попросили разрешения попробовать себя в аксессуарах — они хотели сделать ремни и заколки для волос, вдохновлённые гномьими узорами. Девочки, Мира и Лейла, плели браслеты и маленькие сумочки-мешочки, которые можно было вешать на пояс. Я же засела за эскизы — у меня в голове было столько идей, что я не знала, с чего начать, и в итоге просто открыла блокнот и начала рисовать всё подряд: платья, плащи, шляпки, пояса, даже пару идей для обуви, которые я потом отдала Марте и Кларе.

Дни потекли медленно, но наполненно. Утром мы завтракали вместе, потом расходились по рабочим местам, и в замке слышался только звук машинки, стук игл и тихие разговоры. Лиска, которая сначала ворчала, что «мы тут как в снежной тюрьме», к концу первой недели смирилась и даже начала помогать — она взялась за учёт материалов и придумала систему, по которой мы могли отслеживать, сколько чего ушло на каждый предмет. Найра Эльза, которая тоже осталась в замке, вместе с мужем и детьми, взяла на себя кухню и отопление, и каждый вечер мы собирались в гостиной, пили чай с пряниками и обсуждали, что сделали за день. Иногда мы смотрели в окно, на снег, который всё падал и падал, и я думала, что, наверное, это и есть счастье — не когда к тебе приезжают клиенты и платят золотом, а когда ты сидишь в тёплом замке с людьми, которые стали твоей семьёй, и шьёшь то, что тебе нравится, зная, что весной это принесёт радость кому-то ещё.

К концу второй недели у нас уже была почти готовая коллекция — несколько платьев, пояса, сумки, обувь, браслеты, и даже пара шляпок, которые я сделала по бабушкиным образцам, но с новыми узорами. Мы развесили всё в зале для показов, и когда я смотрела на это, я чувствовала, что зима — это не время застоя, а время роста, и что, когда снег растает, мы выйдем из этого замка не просто швеями, а настоящим модным домом, который может предложить клиенткам не только то, что они просят, но и то, о чём они даже не мечтали.

Глава 5

Оттепель пришла неожиданно — ещё вчера мороз трещал так, что стёкла в окнах покрывались узорами, а сегодня утром я проснулась от капли, которая барабанила по подоконнику, как весенний дождь. Снег оседал, дорожки во дворе начали чернеть, и даже воздух, казалось, стал мягче, будто зима решила, что хватит, пора уходить. Мы с Лиской вышли на крыльцо, чтобы вдохнуть этот влажный, тёплый запах, и она, шурясь на солнце, сказала:

— Ну вот, Настька, дожили. Ещё неделя — и можно будет открывать окна. Ты знаешь, что это значит? Что клиенты снова начнут приезжать. Готовься, потому что после такой долгой тишины они навалятся на нас, как снег на голову.

— Лиска, — ответила я, улыбаясь, — мы как раз к этому готовы. У нас целая коллекция в зале для показов. Пусть приезжают.

И они приехали. Первыми, ещё до того, как дороги окончательно расчистили, появились Долорес и Ричард — порталый вихрь вспыхнул в холле в тот самый момент, когда я поправляла шляпку на одном из манекенов, и я, обернувшись, увидела, как из мерцающего овала выходит Долорес, сияющая, в новом платье, которое она, видимо, сшила у столичного портного, но которое всё равно не шло ни в какое сравнение с тем, что мы делали здесь. Ричард шагнул следом, и я заметила, что он тоже выглядит иначе — не в том смысле, что изменился, а в том, что при дневном свете, который теперь заливал холл, его серые глаза казались глубже, а улыбка — мягче.

— Анастасия! — воскликнула Долорес, подлетая ко мне и обнимая так, будто мы не виделись год. — Мы приехали, потому что я не могла больше ждать! Я слышала, что вы за зиму сделали целую коллекцию, и я хочу увидеть её первой, пока эти столичные дамы не разобрали всё самое лучшее!

— Здравствуйте, найра Долорес, — ответила я, обнимая её в ответ. — Проходите, всё в зале для показов. Я как раз развешивала шляпки. И да, вы правы — коллекция готова, и я рада, что вы приехали первыми.

Долорес, не теряя времени, устремилась в зал, и я услышала, как она ахает, разглядывая платья, которые эльфийки развесили на манекенах. Она подошла к одному из них — светло-голубому, с драпировкой на плечах и вышивкой в виде весенних цветов, — и провела рукой по ткани с таким благоговением, будто прикоснулась к святыне.

— Это... это же произведение искусства, — сказала она. — Анастасия, я хочу это. И вон то, с открытой спиной, — она указала на второе платье, — и ещё пояс, который к нему подходит. И шляпку. И, наверное, сумочку. Я, кажется, сейчас скуплю половину зала.

Ричард, который вошёл следом за сестрой, но держался чуть в стороне, улыбнулся и сказал:

— Долорес, если ты скупишь половину зала, тебе придётся строить новый гардероб. А у нас дома и так уже негде хранить твои наряды.

— Тогда я построю новый дом, — парировала Долорес, не отрываясь от платьев. — Или ты, как любящий брат, уступишь мне свою половину.

Ричард подошёл ко мне, пока Долорес продолжала изучать коллекцию, и сказал тихо, так, чтобы слышала только я:

— Я рад вас видеть, Анастасия. Не только потому, что вы шьёте лучшие костюмы в Рас-тусе, а потому что я... скучал. Зима была долгой, а столица — скучной без вас.

Я почувствовала, как к щекам приливает тепло, и, надеюсь, это было заметно не так сильно, как мне казалось. Я ответила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Я тоже рада вас видеть, Ричард. И я не только шила, но и думала о вашем весеннем костюме. У меня есть несколько идей, которые, я думаю, вам понравятся.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал он, и его улыбка стала чуть шире. — Но, если честно, я приехал не только за костюмом. Я хотел увидеть вас. Убедиться, что вы не замёрзли в этом снежном плену и что ваш замок всё ещё стоит.

— Замок стоит, — ответила я, — и я не замёрзла. У нас было тепло, и мы работали. Так что зима прошла с пользой.

Долорес, которая, наконец, оторвалась от платьев, подошла к нам с охапкой вещей — двумя платьями, поясом, шляпкой и сумочкой — и сказала:

— Всё, я беру это. И ещё я хочу заказать летнее платье, но не сейчас, а когда вы закончите с весенней коллекцией. А сейчас — сколько с меня?

Я подсчитала в уме, назвала сумму, и Долорес, не торгуясь, выложила золото на стол. Она была так довольна, что даже обняла меня ещё раз, а потом сказала брату:

— Ну что, ты идёшь посмотреть свой костюм? Или ты так и будешь стоять здесь и смотреть на Анастасию, как будто она — единственное, что тебя интересует?

— Долорес, — предупреждающе сказал Ричард, но я заметила, что он не отрицает её слов. Он посмотрел на меня и добавил: — Я бы хотел посмотреть костюм, если у вас есть время. И, может быть, обсудить весенний бал. Я хотел пригласить вас. Не как мастерицу, а как гостью.

Я на мгновение замерла, потому что не ожидала такого прямого приглашения. Долорес, которая стояла рядом, закатила глаза и сказала:

— Наконец-то! Я думала, он никогда не решится. Анастасия, скажите «да», иначе он будет ходить вокруг вас весь год и вздыхать, как больной дракон.

Я посмотрела на Ричарда, на его серьёзное лицо, на то, как он ждал ответа, и почувствовала, что улыбаюсь — искренне, без всякой профессиональной сдержанности.

— Я подумаю, — сказала я. — Но сначала — костюм. Идёмте в примерочную, я покажу вам, что мы сделали за зиму.

Мы пошли в примерочную, и я чувствовала, как внутри меня что-то теплеет — не от солнца, которое заливало светом все вокруг, а от того, что весна, кажется, начинается не только за окном, но и в моей жизни.

Глава 6

За следующую неделю замок превратился в проходной двор — и я говорю это с любовью, потому что каждый, кто входил в эти двери, оставлял после себя золото, комплименты и новые заказы. Погода улучшалась с каждым днём: снег оседал, дорожки чернели, и даже воздух стал мягче, так что клиентки приезжали не только порталами, но и на санях, которые то и дело застревали в последних сугробах у ворот, и Грета с Мартой вытаскивали их оттуда с такой руганью, что эльфийки краснели. Первой нагрянула найра Элириэль — та самая столичная эльфийка, которая купила у меня фетровую шляпку с пером ещё до снегопада. Она вошла в холл, огляделась и объявила:

— Я вернулась! И я не одна — я привезла с собой сестру, кузину и двух подруг, потому что после того, как я надела вашу шляпку на приём, меня трижды спросили, где я её взяла. Трижды, Анастасия! Вы понимаете, что это значит? Это значит, что вы теперь должны мне ещё одну шляпку, потому что моя сестра хочет точно такую же, но с красным пером.

Сестра Элириэль, невысокая эльфийка с тёмными волосами и глазами, которые оценивали всё вокруг с лёгкой завистью, тут же подхватила:

— И не только шляпку. Я слышала, у вас есть пояса с гравировкой. Мне нужен пояс. И платье. И, если можно, что-то для волос, потому что моя причёска вечно разваливается на приёмах, и я выгляжу как растрёпанная ворона.

Я повела их в зал для показов, где после зимы осталось не так много вещей — большую часть мы уже продали, — но то, что осталось, было лучшим. Элириэль сразу же схватила вторую шляпку с красным пером, её сестра долго выбирала между двумя поясами и в итоге взяла оба, а подруги, которые оказались вампирами, накинулись на сумки и заколки с таким энтузиазмом, что Лиска, наблюдавшая за этим из-за двери, прошептала мне:

— Настька, они сейчас разберут всё, что осталось, и нам придётся шить ночью, чтобы к утру было что-то ещё.

— Лиска, — ответила я, — пусть разбирают. Это значит, что весной у нас будет ещё больше заказов. А ночью я спать хочу, так что пусть берут то, что есть.

Вампириша по имени найра Оливия, которая пришла с Элириэль, оказалась самой говорливой. Она крутилась перед магическим зеркалом с сумкой в руках и приговаривала:

— Это невероятно. У меня есть сумки из столицы, из-за моря, даже из подземных мастерских гномов, но такой работы я не видела. Смотрите, как шов идёт — ровно, как по линейке. А застёжка? Она же сама защёлкивается! Анастасия, вы не хотите переехать в столицу? Я вам найду дом, и вы будете шить только для меня.

— Найра Оливия, — ответила я, — я ценю предложение, но у меня здесь замок, команда и, честно говоря, я не люблю столичную суету. Но если вы хотите заказать что-то ещё, я могу отправлять вам вещи вестником.

— О, это ещё лучше! — воскликнула она. — Тогда я закажу у вас летнее платье, два пояса и, пожалуй, ещё одну сумку. Только не говорите моему мужу, что я потратила на это половину годового бюджета.

К концу третьего дня в зале для показов осталось только несколько вещей — пара браслетов, которые девочки сплели в самом начале зимы, и одна шляпка, которую я отложила для себя, но так и не решилась надеть. Всё остальное разошлось по рукам: платья, пояса, сумки, обувь, даже заколки для бороды, которые Гримхильда заказала ещё до снегопада и которые мы доделали только к весне. Лиска, которая вела учёт, к концу недели посмотрела на списки и сказала с таким выражением, будто сама не верила своим глазам:

— Настька, у нас пусто. Совсем пусто. Мы продали всё, что было, и даже то, что не собирались продавать. Помнишь ту диадему с сапфиром, которую ты хотела оставить? Её купила

вампириша Оливия, и она была так счастлива, что чуть не расплакалась. Я, честно говоря, тоже чуть не расплакалась, потому что это была самая дорогая вещь в нашей коллекции.

— Лиска, — ответила я, — это значит, что мы хорошо поработали. И что теперь у нас есть деньги, чтобы закупить новые ткани и начать всё сначала. Весна только начинается, а у нас уже нет товара. Это не проблема, это успех.

— Успех — это когда ты можешь сидеть и ничего не делать, — проворчала Лиска. — А у нас с тобой, судя по всему, успех — это когда ты работаешь ещё больше. Я пойду составлю список тканей. И, пожалуйста, не продавай больше свою личную шляпку. Ты её так и не надела, а она уже почти ушла с молотка.

Я рассмеялась и пообещала, что шляпку оставлю, но вечером, когда все разошлись, я всё равно села за эскизы — потому что клиентки, уходя, оставили не только золото, но и заказы, и я знала, что весна будет долгой и жаркой. Долорес, которая приезжала в начале недели, тоже прислала вестника с просьбой сшить ей летнее платье к приёму у королевы, и я уже прикидывала, какую ткань использовать, чтобы оно было лёгким, но не выглядело простым. Ричард, который уехал вместе с сестрой, не написал ничего конкретного, но я поймала себя на том, что жду его вестника — не как от заказчика, а как от человека, который сказал, что скучал. Я тряхнула головой, отгоняя эти мысли, и вернулась к работе, потому что весна, как и клиентки, не ждёт, и если я хочу, чтобы к лету у нас снова был полный зал, мне нужно начинать шить прямо сейчас.

Глава 7

Через день после того, как последняя клиентка уехала, увозя с собой последнюю шляпку и оставив в замке лишь запах дорогих духов и лёгкое ощущение опустошённости, ко мне в мастерскую пришла найра Эльза. Она не стучалась — она никогда не стучалась, когда шла с плохими новостями, — просто вошла, держа в руках длинный свиток пергамента, исписанный её аккуратным, убористым почерком, и встала перед моим столом с выражением лица, которое я уже научилась читать как: «Сядь, Настя, сейчас будет больно». Я отложила эскиз летнего платья для Долорес, вздохнула и указала ей на стул.

— Найра Эльза, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро, — судя по вашему лицу, у нас закончилась не только мука, но и всё остальное, включая надежду.

— Надежда, найра Анастасия, у нас ещё есть, — ответила она, разворачивая свиток на столе. — А вот с продуктами и с крышей — сложнее. Слушайте внимательно, потому что список длинный.

Она начала перечислять, водя пальцем по строчкам, и с каждым пунктом моя бодрость улетала куда-то в сторону сарая, где, судя по всему, уже не осталось ни дров, ни угля.

— Мука — закончилась. Совсем. Мы докупали в середине зимы, но с учётом того, что вы кормите всю команду, а это, между прочим, двенадцать человек, плюс гости, плюс вестники, которые иногда остаются на обед, — мука ушла. Крупа — тоже на исходе, осталась только овсянка, которую эльфийки не любят и едят только под угрозой. Мясо — солонина закончилась ещё на прошлой неделе, и мы едим в основном то, что приносят крестьяне в обмен на мелкий ремонт, но этого хватит ненадолго. Масло — кончилось. Свечи — мы перешли на магические светильники, но они жрут энергию, и если ударит мороз снова, мы останемся без света. И это только еда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.